

Алый первоцвет

Красавица Маргарита — жемчужина высшего света Англии. Она посещает светские рауты, водит дружбу с принцем Уэльским и терпит нелюбимого, но состоятельного мужа. Тем временем в Англии только и разговоров, что о неуловимом герое по прозвищу Сапожок Принцессы. Он умудряется вытаскивать французских аристократов из рук палачей и лезвия гильотины. Его превозносят по одну сторону Ла-Манша и отчаянно желают отправить на плаху по другую сторону пролива. Французские шпионы строят хитроумные планы по его поимке. Из-за грязного шантажа Маргарита становится пешкой в руках врагов Сапожка Принцессы. Теперь, вопреки своей воле, она — опасная, но манящая ловушка для отчаянного спасителя...

ЭММА ОРЦИ

АЛЫЙ
ПЕРВОЦВЕТ

Этта Орци
Алый Первоцвет

Роман

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2020

© Рохмистров В.Г., перевод на русский язык, 2020

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2020

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2020

ISBN 978-617-12-8205-6 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Красуня Маргарита — перлина вищого світу Англії. Вона відвідує світські раути, товаришує з принцом Вельським і живе із заможним чоловіком, якого не кохає. Тим часом в Англії тільки й розмов що про невловимого героя на прізвисько Чобіток Принцеси. Йому вдається рятувати французьких аристократів із рук катів і від леза гільйотини. Його звеличують по один бік Ла-Маншу і відчайдушно бажають стратити по інший бік протоки. Французькі шпигуни будують хитромудрі плани щодо його затримання. Унаслідок брудного шантажу Маргарита стає пішаком в руках ворогів Чобітка Принцеси. Тепер, усупереч своїй волі, вона небезпечна, але принадна пастка для відчайдушного рятівника...

Орци Э.

О-70 Алы́й Первоцвет : роман / Эмма Орци ; пер. В. Рохмистрова, М. Белоусовой. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2020. — 320 с.

ISBN 978-617-12-7684-0

Красавица Маргарита — жемчужина высшего света Англии. Она посещает светские рауты, водит дружбу с принцем Уэльским и терпит нелюбимого, но состоятельного мужа. Тем временем в Англии только и разговоров что о неуловимом герое по прозвищу Сапужок Принцессы. Он умудряется спасти французских аристократов из рук палачей и от лезвия гильотины. Его превозносят по одну сторону Ла-Манша и отчаянно желают отправить на плаху по другую сторону пролива. Французские шпионы строят хитроумные планы по его поимке. Из-за грязного шантажа Маргарита становится пешкой в руках врагов Сапужка Принцессы. Теперь, вопреки своей воле, она опасная, но манящая ловушка для отчаянного спасителя...

УДК 821.111

Перевод *В. Рохмистрова, М. Белоусовой*

В оформлении обложки использована картина Джозефа Фредерика Чарльза Сулакруза (1858—1933) «Любовное свидание»

Неизвестная знаменитость, или Триумф Дон Кихота

1

Как-то раз к нам в руки попала невзрачная затрепанная книжонка, изданная в Лондоне в 1908 году, — «“The Scarlet Pimpernel” by the baroness Orczy». На обороте титульного листа мы с удивлением прочли — семидесятое издание! Книга была посвящена актерам, великолепно создавшим образы ее главных героев! Да еще и рекламировалось седьмое издание следующего романа о «Scarlet Pimpernel» — «I Will Repay»! В аннотации было написано: «Драматическая история времен французской революции. Автор поведал о бурном времени таким живым языком и с таким точным ощущением эпохи, что это принесло огромный успех не только роману, но и пьесе...»

Нам же ни имя автора, ни название книги ничего не говорили. Тем не менее текст нас увлек, и мы даже решились перевести его на русский язык, в полной уверенности, что имеем дело с автором неизвестным или, во всяком случае, совершенно забытым. Конечно, это само по себе не предвещало никакого успеха. Тот факт, что автор, чьи книги часто издавались, вскоре после смерти был забыт, отнюдь не говорит в его пользу.

Однако по мере продвижения нашей работы мы начинали узнавать все больше и больше как о баронессе, так и о ее произведениях. Сначала судьба свела нас с человеком, который знал автора этой книги и сообщил, что в нашей стране баронесса известна как Эмма Орци, английская писательница венгерского происхождения.

Мы вновь ринулись в библиотеки и мало-помалу стали узнавать об Эмме Орци все больше и больше весьма любопытных и неожиданных сведений.

Оказалось, что попавший к нам в руки роман был действительно очень популярен в свое время во всей Европе. Он был переведен на французский, немецкий, шведский, итальянский, венгерский, датский, голландский и русский! Пьеса, поставленная по роману, с большим успехом шла, пожалуй, во всех крупнейших театрах Европы того времени. А в 1935 году Гарольд Янг снял фильм «The Scarlet Pimpernel», главную роль в котором сыграл не кто иной, как сам Лесли Хоуард, звезда английского и американского кинематографа 30-х годов (он снимался и в фильме «Унесенные ветром»), создавший образ типичного англичанина, интеллектуального, мужественного. Маргариту играла Оберон Мерле, а Шовелена — Массей Раймонд, весьма известный характерный актер. Фильм имел немалый успех, и Лесли Хоуард даже поставил в американском Berkely Square одноименный спектакль.

Но это же настоящее триумфальное шествие! Естественно, мы заинтересовались и другими книгами загадочной баронессы. И вот нам уже известно пять романов о Scarlet Pimpernel и много-много других: «Царство юбок», «Глаза голубые и серые», «Таволга», «Сын народа», «Пред Цезарем», «Цветок лилии», «Бронзовый орел», «Императорский подсвечник», «На волоске», «Спутанная пряжа», «Гнездо ястреба-тетеревятника» и др.

2

Баронесса Орци родилась 23 сентября 1865 года в городе Тарнаур (Tarna-Örs) в Венгрии и была названа Эммой (Emmersca) по имени матери-графини Уосс (Woss). Отцом ее был весьма известный в то время венгерский музыкант — барон Феликс Орци.

Довольно скоро семья барона, в которой Эмма была старшим ребенком, переселяется в Будапешт, дабы дочь могла начать свое образование в хорошей столичной школе. Однако настоящему артисту вряд ли пристала оседлая жизнь, и семья вскоре переезжает в Брюссель, затем в Париж, а в 1880 году — в Лондон, где в то время музыкальная жизнь была чрезвычайно насыщена.

Здесь Эмма Орци продолжает свое образование сначала в Лондонской Школе искусств, затем в Академии, где и знакомится с

будущим мужем — студентом-графиком Генри Джорджем Монтегю Маклеан Барстоу, сыном священника, который впоследствии, став иллюстратором книг, подписывается как Р. Майкл Уильям Барстоу.

Свадьба Эммы с Генри Джорджем состоялась в 1894 году, а в 1899-м у них родился сын.

На рубеже веков семья барона вновь возвращается в Венгрию, однако миссис Монтегю Барстоу на этот раз предпочитает остаться в Лондоне, где вместе с мужем начинает делать детские книжки. И уже в августе 1899 года в «Royal Magazine» появляется несколько коротеньких детских историй под общим названием «Juliette», написанных и иллюстрированных счастливыми молодыми супругами. Истории вскоре разрастаются в целую книгу под общим названием «Старик в углу», по которой в лондонском Новом театре была поставлена пьеса.

Вопреки всем ожиданиям, продолжения столь удачно начатой баронессой Орци карьеры детской писательницы не последовало. Супругов увлек театр, и они достаточно быстро пишут две пьесы — «Грех Вильяма Джексона» и «Прекрасная парча».

Но Эмму Орци неудержимо влечет ее звезда; уже в 1902 году появляется первый роман баронессы «The Scarlet Pimpernel», по которому они с мужем начинают готовить пьесу. В августе 1903 года в Ноттингеме она была поставлена и имела бурный успех. Пьеса не сходила со сцены до 1905 года, а это немалый срок для того времени. Так началось триумфальное шествие *Scarlet Pimpernel* по Европе.

Окрыленная фантастическим успехом, баронесса пишет один за другим еще три романа о неподражаемом сэре Перси — «I Will Repay» («Аз воздам»), «The Elusive Pimpernel» («Неуловимый Пимпернель») и «Eldorado» в двух книгах.

Однако всякая тема имеет предел, желания же прекращаются лишь со смертью, и баронесса пишет роман за романом по два, а порой и по три в год о других временах и других героях. Это и эпоха Тюдоров, и пуритане, и венгерская аристократия XVIII века, и даже Древний Рим. Романы следуют за романами, героини сменяют героев, но *Scarlet Pimpernel* так и остается непревзойденным. По-видимому, баронесса и сама это чувствовала, ибо в 1920 году, уже после Первой мировой войны, во время которой они с мужем (до 1918 года) жили в Монте-Карло, Эмма Орци вновь возвращается к своему блистательному

авантюристу и создает пятый, на этот раз заключительный, роман серии «The Triumph of the Scarlet Pimpernel».

Теперь тема исчерпана окончательно, однако фантазия миссис Монтегю Барстоу и дальше продолжает работать с прежней неутомимостью. В 1922 году после «Триумфа...» в свет выходит роман «Николетт», затем «Небесный город» и др.

Эмма Магдалена Розалия Мария Жозефа Барбара Орци, миссис Монтегю Барстоу, прожила достаточно долгую жизнь, пережив на четыре года своего мужа. Венгерская баронесса и английская писательница умерла 12 ноября 1947 года в Лондоне, о чем английское общество известила опубликованная на следующий день в «Royal Magazine» статья с кратким описанием ее жизни и творчества...

3

Начало XX века. Лондон. Еще витает в гостиных дух «короля жизни» Оскара Уайльда. «Высокий, на несколько дюймов выше шести футов, его можно было принять за живую иллюстрацию типичного образа англичанина... Слегка прикрытые веки запечатлевали на лице сонное выражение, своему мягкому голосу он старался придавать томную протяжность, по манере одеваться он оспаривал звание короля моды у самого принца Уэльского, которого не раз видели в Опере под руку с Уайльдом».

Тогда, в начале XX века, ходили легенды «об английском поэте, бывшем в состоянии перепить дюжину горняков, а потом вынести их, взяв на руки по двое зараз». «Бесчисленные фотографии... несколько десятков лет обитали во дворцах, мещанских домах. Во многих романах того периода если и не выступал под вымышленным именем он сам, в чертах героев было хотя бы отдаленное сходство...» Так писал Ян Парандовский в «Короле жизни».

И именно к числу таких романов можно смело отнести «The Scarlet Pimpernel», что уже само по себе дает ему полное право занять достойное место среди мировой литературы.

Собственно говоря, Scarlet Pimpernel — это всего лишь английское народное название простого придорожного цветочка, который, судя по

справочникам, соответствует нашей куриной слепоте, только он алого цвета. Латинское же его название — *Anagallis arvensis*.

Однако цветочек выбран писательницей не совсем случайно, читатель поймет почему. И дело здесь вовсе не в его якобы чудесных свойствах. Это обыкновенный сорняк, да еще и ядовитый. В Древней Греции он применялся для возбуждения веселого расположения духа, для восстановления физических сил. В Европе же его использовали как средство от застоя крови.

В эпоху описываемых событий такого цветка в Англии еще не было, но, похожий на звездочку, он настолько понравился баронессе, что она игнорировала этот факт. Кстати, весьма любопытна история появления цветка на туманном британском острове; она странным образом переплетается с событиями романа, названного его именем.

Растение было обнаружено в 1791—1793 годах в Марокко датским послом Шусбоэ. Несколькими годами позднее, благодаря стараниям французского посла, он появился в Париже, а затем в 1803 году некий Эндрю привез его семена в Лондон. В нашей же стране этот цветок известен с прошлого века под именем очный цвет пашенный.

Естественно, что назвать роман таким именем было совершенно невозможно, однако найти другое название или же придумать его самим оказалось делом весьма нелегким. Прямой перевод «алый сводничек» — не годился, «куриная слепота» всех ввела бы в заблуждение. Ботанические словари и справочники, приводящие огромное количество народных названий этого цветка (помощь перченая, ум-да-разум, пастуший барометр, северная водянка, дикая капуста, козья морда, пастернак полевой, сердечная трава и т. д.) также не смогли нам помочь. Названия, которые мы придумали сами, — сорняк полевой благородный, слуга пастуха, собачий полковник — тоже по тем или иным причинам выбраковывались.

И тогда мы решили пойти на последнее средство — отправились на экскурсию по Прибалтике; там, как мы выяснили, растут такие цветы. С большим трудом отыскали его в окрестностях Лиепайи и у местных специалистов узнали, что по-латышски он называется саркана павирза (красная павирза)!

Просто фантастика! Если на латышский переводить, проблем бы не было.

В полном унынии мы забрели на рынок и стали показывать нашу находку старушкам-цветочницам. Никто не знал. И вдруг...

— Этот цветочек у нас сатанинским глазом зовется. А кое-кто его еще сапожком принцессы называет, — добавила она ласково.

Нас будто громом поразило!

Но хватит об этом. Вернемся к роману.

Что касается исторической достоверности происходящих в романе событий, то она более чем сомнительна. Был в то время весьма известный авантюрист барон дю Батс (1760—1822), прозванный впоследствии во времена директории «лагерным маршалом», который, возможно, и натолкнул баронессу на столь удачную мысль. Но этот неутомимый дворянский депутат занимался, скорее, противоположной деятельностью. Он хотя и разрушал конвент, деморализуя его членов — Делонэ, Жюлио, Шабо и других — подкупами и участием во всяких грязных интригах, но результатом этого были лишь новые жертвы гильотины.

Так что *Scarlet Pimpernel* — плод неистощимой фантазии баронессы и только, что, впрочем, совсем не умаляет его достоинств. Кстати, Эмма Орци сама в романе «Эльдорадо» дает понять, что барон дю Батс ни в коем случае не является прототипом ее героя.

Нет, *Scarlet Pimpernel*, а в нашем варианте уже Сапожок Принцессы, герой совершенно иной породы. Это не просто положительный персонаж, он уникален тем, что, в отличие от множества других положительных героев, ни одной своей черточкой не вызывает неприязни даже у самого придирчивого читателя. Это Дон Кихот триумфатор! Настоящий герой, ни единого раза во всей своей столь опасной практике не прибегший к силе оружия и всегда навязывавший врагам лишь благородный интеллектуальный бой. Сапожок Принцессы — это символ доброго человеческого начала, побеждающего своей божественной природой самых хитроумных и кровожадных врагов.

А потому мы надеемся, что он займет наконец свое достойное место в литературе. Так что от всей души желаем нашим читателям принять, а быть может, даже полюбить так, как мы его полюбили, этого блистательного авантюриста, неподражаемого аристократа и неизменно галантного джентльмена сэра Перси Блейкни.

И в заключение этого небольшого предисловия нам хотелось бы выразить свою благодарность нашему близкому другу и замечательному человеку, Ольге Георгиевне Березкиной, подарившей нам однажды книгу «“The Scarlet Pimpernel” by baroness Orczy».

В. Рохмистров, М. Белоусова

Юлии Нейлсон и Фреду Терри, гениально воплотившим образы сэра Перси и леди Блейкни на сцене, посвящаю эту книгу с восторгом

(Лондон, 1908)

Глава I

Париж. Сентябрь 1792

Толпа — бурлящая, орущая, клокочущая, которую трудно даже назвать человеческой, потому что для глаз и ушей она представлялась скопищем дикарей, одержимых лишь низменными страстями: похотью мести и ненавистью. Время — перед заходом солнца. Место — Западная застава; здесь через десять лет будет возведен бессмертный монумент гордому и надменному тирану, прославляющий страну и его собственное тщеславие.

Весь день гильотина продолжала свою безостановочную лихорадочную работу; все то, чем Франция гордилась столетиями: славные имена, голубая кровь, — теперь приносилось в жертву ее желанию свободы и братства. Кровавый нож остановился лишь в этот поздний час, но до закрытия ворот на ночь на заставах было еще достаточно увлекательных зрелищ для толпы.

И толпа хлынула с Гревской площади в разные стороны к заставам, стремясь не упустить эти интереснейшие и захватывающие зрелища.

А они продолжались ежедневно, поскольку эти дворянчики оказались полными идиотами! Они предали свой народ, конечно же, все эти мужчины, женщины и дети, которым выпало счастье стать преемниками лучших людей Франции, создававших ее славу еще со времен крестовых походов. Старое родовое дворянство, достойные потомки — они также давили и топтали алыми каблуками своих изящных туфель народ, который теперь взял верх и, за отсутствием башмаков, топчет и давит их не алыми каблуками, но оружием более страшным — ножом гильотины.

Этот жуткий, отвратительный инструмент ежедневно и ежечасно требовал все новых и новых жертв — стариков, женщин, подростков — до тех пор, пока не скатились головы короля и молодой красавицы-королевы.

Да и могло ли быть иначе, если теперь народ стал правителем Франции, а каждый аристократ был предателем, как и все его предшественники, которые в течение двух столетий заставляли этот народ обливаться потом, трудиться и умирать с голоду ради поддержания двора во всем блеске его изысканной похотливости. И вот теперь наследники тех, кто составлял блеск и славу двора, вынуждены скрываться или совсем покидать родину, чтобы сохранить свою жизнь, чтобы избежать справедливого возмездия.

И они действительно пытались убежать, скрыться, но это лишь добавляло толпе веселья. Ежедневно перед закрытием ворот, когда рыночные повозки начинали стягиваться к заставам, кто-нибудь из дурачков-дворянчиков стремился избежать цепких объятий Комитета общественной безопасности. Во всевозможных нарядах, под различными предложениями они старались проскользнуть через заставы, тщательно охраняемые национальной гвардией Республики. Мужчины в женских платьях, женщины в монашеских одеяниях, дети, одетые оборванцами, — кого только не было; все они, эти графы, маркизы и даже герцоги, стремились вырваться из Франции, чтобы где-нибудь в Англии или какой угодно другой стране посеять ненависть к торжествующей революции, а может быть, и поднять армию для освобождения узников Темпля, некогда провозгласивших себя монархами Франции.

Но, как правило, они всегда попадались на заставах. Особенно великолепен был нюх на аристократов, как бы они ни маскировались, у сержанта Бибо с Западных ворот. Тут-то и происходила потеха. Он прикидывался, что верит этим бывшим маркизам и графам, верит в то, что они всю жизнь носили лохмотья, играл с ними, как кошка с мышкой, и эта игра затягивалась порой минут на десять-пятнадцать.

О! Бибо был великий юморист! У Западной заставы всегда толпился народ в надежде поглазеть на то, как он вылавливает этих дворянчиков, едва не ускользнувших от заслуженного возмездия.

Иногда Бибо даже выпускал свою жертву за ворота, даруя ей вечность, состоящую из пары минут сладкой надежды на то, что она теперь уже беспрепятственно сможет достичь берегов Англии... Но Бибо не давал несчастной жертве пройти и десять метров — он посылал двух человек, которые приводили ее обратно и сдирали очередной маскарадный костюм.

А уж если попадалась женщина, какая-нибудь гордая маркиза, что случалось не очень часто, вот было веселье. Как смешно она выглядела после всех треволнений, оказавшись вдруг в объятиях Бибо, после которых стремительный революционный суд отправлял ее прямо в объятия мадам Гильотины.

И совершенно естественно, что в этот прекрасный сентябрьский день алчущая, возбужденная толпа окружала ворота Бибо. Пролитой кровью не утоляют, но лишь распалют жажду, и ничего удивительного не было в том, что толпа, видевшая сто благородных голов скатившимися к подножию гильотины сегодня, жаждала увидеть то же самое и завтра.

Бибо сидел на опрокинутом пустом бочонке недалеко от входа на заставу. Под его началом был небольшой отряд национальной гвардии. Только что пришлось хорошо поработать. Эти проклятые дворянчики, перепуганные до последней степени, все отчаяннее стремились вырваться из Парижа, а все эти мужчины, женщины и дети, чьи предки совсем еще недавно служили проклятым бурбонам, все они были изменниками и отличной пищей для гильотины. И Бибо ежедневно доставлял себе удовольствие, срывая маски с бегущих господ роялистов и отправляя их на суд Комитета общественной безопасности, возглавляемого доблестным патриотом — гражданином Фукье-Тенвилем. Даже Дантон и Робеспьер отметили рвение сержанта Бибо, лично отправившего на гильотину полсотни аристократов.

Сегодня начальники отрядов на всех заставах получили особое распоряжение. Стало известно, что большому числу аристократов все-таки удалось ускользнуть из Франции и благополучно достичь английского берега. Об этом ходили по городу странные слухи, которые, разрастаясь, все больше и больше начинали будоражить народ. Пришлось даже отправить на гильотину сержанта Гроспьера с Северных ворот, упустившего целую семью аристократов.

Доподлинно было известно, что побеги организовывала некая группа англичан, чья храбрость казалась невероятной, ибо чем же еще можно было объяснить столь горячее усердие в спасении несчастных от гильотины, да еще и по доброй воле. Слухи стали доходить до абсурда; никто уже не сомневался в том, что эта группа действительно существует, более того, поговаривали, что руководит ею человек, якобы достаточно широко известный своей отвагой и мужеством.

Рассказывали всевозможные загадочные истории о том, как он и его подопечные становились буквально невидимыми, оказываясь около застав, и беспрепятственно проходили через ворота, словно им помогал сам Бог.

Правда, самих мистических англичан никто никогда не видел, а что касается их главаря, то о нем и вовсе боялись говорить.

Гражданин Фукье-Тенвиль ежедневно получал странный клочок бумаги с неким загадочным символом; то он обнаруживал его в кармане своего платья, то ему просто вручал послание кто-нибудь из толпы, когда он шел на заседание Комитета общественной безопасности. В бумажке, всегда помеченной маленьким красным звездообразным цветком, который в народе называют сапожком принцессы, кратко сообщалось, что группа англичан продолжает действовать. Через несколько часов после получения наглой записки члены Комитета общественной безопасности узнавали о том, что множеству роялистов и аристократов вновь удалось ускользнуть и что они уже находятся на пути к Англии и, значит, спасению.

Охрана ворот была удвоена, сержантам грозили смертью, за поимку наглых храбрецов была установлена награда — пять тысяч франков обещали тому, кто обезвредит этого загадочного и неуловимого Сапожка Принцессы.

Все считали, что на такое способен лишь Бибо, и вера в это настолько укоренилась во всеобщем сознании, что у Западных ворот каждый день собиралась большая толпа зевак, жаждущих не упустить момент, когда он будет вязать кого-нибудь из дворянчиков, сопровождаемого тем самым мистическим англичанином.

— Эй! — сказал Бибо своей верной гвардии. — Ну и дурак же был этот гражданин Гроспьер. Если бы я был тогда у Северных ворот... — И гражданин Бибо в знак презрения к тупости своего приятеля плюхнулся задницей на землю.

— Как же это случилось, гражданин? — спросили гвардейцы.

— Гроспьер стоял и, понятно, смотрел в оба, — с помпой начал Бибо, и толпа сомкнулась вокруг него, затаив дыхание. — Все мы уже наслушались про этого неуловимого англичанина, про этого проклятого Сапожка Принцессы. Однако через мои ворота ему не пройти, черт побери, будь он сам дьявол! Но Гроспьер был дурак. Через ворота проезжали рыночные повозки, на одной из них сидели

девица, да еще старик, да мальчишка — они везли бочки. Гроспьер был, конечно, немного пьян, но соображал, в общем-то, нормально. Большую часть бочек он проверил и, убедившись, что они пусты, пропустил повозку.

Рев гнева и возмущения пронесся над толпой жалких оборванцев, окружавших Бибо.

— Через полчаса к воротам подлетает капитан с дюжиной солдат. «Повозка проехала?» — спрашивает он, задыхаясь, Гроспьера. «Да, — отвечает Гроспьер. — Уже с полчаса». — «Вы позволили им уйти! Вы пойдете на гильотину за это, гражданин сержант! — кричит капитан. — На этой повозке был герцог де Шали с семьей». — «Как?» — затрясся Гроспьер, выпучив глаза. «А вот так! И старик был тот самый проклятый англичанин, Сапожок Принцессы!» Толпа негодуяще взвыла.

— Гражданин Гроспьер заплатил головой за свою ошибку. Какой дурак, настоящий простофиля, идиот. — И на Бибо напал такой приступ смеха, что он не сразу даже смог продолжить свою сказочку.

— «За мной, ребята!» — орет капитан, — продолжал Бибо. — «Вспомните о награде! За ними! Они не могли далеко уйти!» — И с этими словами он бросается за ворота во главе своей дюжины.

— Но было слишком поздно! — возбужденно завопила толпа. — Они не догнали их! Будь проклят Гроспьер за свою глупость! Поделом ему! Какого черта он не проверил все бочки! — Но все эти крики лишь еще больше забавляли Бибо. Его сместило до слез их неподдельное горе.

— Да нет же, — пояснил он в конце концов, — в повозке не было никаких дворянчиков, и старик никакой был не Башмачок.

— Как?!

— Очень просто. Этим чертовым англичанином был капитан, а вся дюжина с ним — дворяне.

Последние слова толпа встретила в полном молчании. История и впрямь начинала отдавать чертовщиной. А народ, несмотря на то что Республика отменила Бога, в глубине души все еще побаивался сверхъестественных сил. Англичанин воистину представлялся дьяволом.

Тем временем солнце клонилось к закату и Бибо приготовился закрывать ворота.

— Эй, там, на повозках, пошевеливайтесь!

На дороге скопилось около дюжины крытых повозок, стремящихся покинуть город, чтобы в отрезанной от него стране добыть хотя бы немного провианта для завтрашней торговли на городском рынке. Большинство этих людей Бибо уже хорошо знал, поскольку они проезжали мимо него по два раза на день. Он перекидывался ничего не значащими словами с некоторыми из возниц, в основном женщинами, и тщательнейшим образом осматривал содержимое повозок.

— Вы даже сами можете не знать, что там у вас внутри, — приговаривал Бибо. — А я не хотел бы попасться, как этот дурак Гроспьер.

Возницы из числа женщин обычно большую часть дня проводили на Гревской площади, у подножия гильотины, занимаясь вязанием и сплетничая. При этом они постоянно поглядывали на фургоны, в которых то и дело подвозились очередные жертвы Королевы Террора. Их весьма забавляло зрелище всходящих на эшафот дворянчиков, после чего они старательнейшим образом обшаривали все вокруг. Бибо в этот день как раз дежурил на площади и теперь узнавал большинство «трикотажниц», как их называли. Эти старые ведьмы спокойно вязали в то время, как головы скатывались одна за другой с помоста, и настолько уже привыкли к лужам дворянской крови, что выглядели бесстрастными куклами.

— Эй, мамаша! — обратился Бибо к одной из них. — Что ты делаешь?

Он видел ее днем за вязанием и уже проверял повозку. Теперь она держала в руках множество вьющихся локонов всех цветов и оттенков, лаская их своими длинными костлявыми пальцами, и хихикала над Бибо.

— Я подружилась с любовником мадам Гильотины, — отвечала она с циничным хохотом. — Он срезает мне это с отрубленных им голов. Обещал мне настричь еще и завтра, да не знаю, смогу ли завтра туда попасть.

— А что ж так, мамаша? — удивился Бибо, который, будучи образцовым служакой, не мог не заинтересоваться столь необычной старухой.

— Да у внука, вон, пятнышки оспы, — отвечала она, тыча большим пальцем себе за спину. — А некоторые вообще говорят, что это чума.

Если правда, то я не смогу быть завтра в Париже.

Услышав про явочки, Бибо отошел немного в сторону, когда же старая ведьма упомянула чуму, он отскочил от нее еще дальше.

— Будь ты проклята, — гаркнул он, и народ, столпившийся у повозки, мгновенно рассеялся.

Старуха расхохоталась.

— Сам ты будь проклят, трусливый подонок, — огрызнулась она. — А еще гражданин! Что же ты за мужчина, коли испугался каких-то болячек!

— Проклятье! Чума!

Наступила гнетущая тишина. Каждый с ужасом ощутил присутствие призрака страшной болезни, которая запросто могла переплюнуть любой террор и напугать самых безжалостных дикарей.

— Проваливай! Катись отсюда с чумным своим выводком! — заорал Бибо.

Старуха, сделав похабный жест, хлестнула клячу и с грубым хохотом выкатилась за ворота.

Этим происшествием и завершился день. Народ начал расходиться, напуганный двумя страшными именами-болезнями, обрекающими человека на долгую, одинокую и мучительную смерть. Люди расходились в угрюмом молчании, подозрительно посматривая друг на друга и сторонясь на всякий случай, будто болезнь уже поселилась в каждом из них. Тут-то и появился, столь же неожиданно, как и в случае с Гроспьером, гвардейский капитан. Только этого Бибо знал лично, и опасения, что он может оказаться таинственным англичанином, были излишними.

— Повозка... — крикнул капитан задыхаясь, едва лишь достиг ворот.

— Какая повозка? — громко спросил Бибо. — Со старой ведьмой... крытая... Их было двенадцать...

— Да с той старой ведьмой, что наплела про чуму у сына!

— Да...

— Ты не пропустил их?

— Черт побери, — пробормотал Бибо, и его румяные щеки побелели от страха.

— В повозке была графиня де Турней с детьми! Все они предатели и приговорены к смерти!

— А возница? — выдохнул Бибо, оседая в суеверном ужасе.

— Тысяча чертей! — прорычал капитан. — Есть подозрение, что он-то и был проклятым англичанином. Сапжок Принцессы собственной персоной!

Глава II

Дувр. «Отдых рыбака»

Салли хлопотала на кухне у гигантской плиты, заставленной сковородками и кастрюлями, в углу стоял огромный котел, рядом с ним, на вертеле, обжаривался благородный филей. Салли помогали две девчонки, на пухленьких локотках которых ловко сидели крахмальные нарукавники; стоило ей за чем-нибудь отвернуться, как они начинали хихикать одному Богу известно над чем. Старая Джемима, тупая и неповоротливая, монотонно ворчала, то и дело поправляя стоящий на плите котел.

— Ну как там, Салли? — весело донеслось из зала.

— Господи, помилуй! — добродушно откликнулась Салли. — Знаю я, чего они ждут!

— Конечно же, пива, — проворчала Джемима. — Ты прекрасно знаешь, что один Джимми Питкин может выпить целый кувшин.

— Да и по виду мистера Гарри не скажешь, что он откажется, — прибавила, хитро поблескивая черными глазками, одна из девчонок, Марта, и подружки, переглянувшись, вновь рассмеялись.

Салли, упершись руками в пышные бедра, явно неодобрительно посмотрела на Марту, еще мгновение, и ее ладонь прошла бы по свежим румяным щечкам, однако любовь к доброму юмору возобладала. Вздохнув, она пожала плечами и занялась картофелем.

— Эй, Салли! Ну что там? — доносились из зала крики, сопровождаемые мерной дробью пустых оловянных кружек по дубовым столам, в надежде привлечь внимание жизнерадостной дочери трактирщика.

— Салли, — не унимался самый нетерпеливый из гостей. — Ты что, собираешься нас морить до ночи?

— Я думаю, папа был бы не против, — буркнула Салли не менее веско, чем Джемима, и, взяв несколько коронованных пеной кувшинов, стала разливать великолепный медовый эль домашней выделки,

благодаря которому «Отдых рыбака» был известен еще со времен короля Карла. — Он-то знает, как мы здесь вертимся.

— Ваш папа слишком занят обсуждением политики с мистером Хэмпсидом, чтобы думать о вас и вашей кухне, — тяжело пыхтя, проворчала Джемима.

Небрежным жестом поправив волосы перед небольшим зеркалом, висевшим в углу кухни, Салли надела на черные кудри кружевной чепец, делающий ее похожей на ангела, и, ухватив каждой своей сильной загорелой рукой по три кружки, одновременно ворча, краснея и улыбаясь, вышла в зал.

Атмосфера в зале ничем не напоминала кухонной суеты.

В наши дни «Отдых рыбака» — респектабельный ресторан. А тогда, в конце XVIII века, в великом 1792 году, он еще не приобрел той значительности и солидности, которые принесла ему бурная жизнь прошедших столетий, хотя уже и тогда он был достаточно старым — с дубовыми, потемневшими от времени стропилами и балками, с такими же стульями, из-за высоких спинок которых поблескивали отполированные временем столы, испещренные бесчисленными кольцами от кружек. Наверху, в центральном окне, стояли горшки с алой геранью и голубыми кавалерийскими шпорами[1], выделяясь своей яркостью из пыльной дубовой обстановки зала.

Владелец «Отдыха рыбака» — «медовый князь» мистер Джеллибэнд — даже на взгляд самого придирчивого наблюдателя был весьма преуспевающим человеком. Оловянные кружки, покрытые старинным резным узором, сверкающая серебром и золотом медная утварь на гигантской плите, натертый до красного блеска пол, соперничающий своим цветом даже с ярко-алой геранью, — все свидетельствовало об исключительной добросовестности слуг, о нерушимой верности традициям, а также о священной необходимости и дальше поддерживать все на такой же высоте элегантности и приличия.

Когда Салли, безуспешно пытаясь за сдвинутыми бровями скрыть свою ослепительную улыбку, вышла из кухни, по залу разнесся ликующий вопль восторга:

— А вот и Салли! Ну что, Салли! Красотке Салли — ура!

— А я думал, ты совсем уже там оглохла в своей кухне, — выкрикнул Джимми Питкин, проводя тыльной стороной ладони по

пересохшим губам.

— ‘пакойна! ‘пакойна! — засмеялась Салли в ответ, ставя на стол полные кружки. — Не понимаю, зачем так спешить? Или у тебя поддыхает бабка и тебе так хочется посмотреть, как она испустит последний вздох, что ты прямо сгораешь от нетерпения? Сколько живу, подобной спешки не видела!

Острота вызвала веселое одобрение собравшихся и дала пищу немалому количеству новых шуток. Но Салли вдруг будто забыла обо всех своих сковородках и горшках. Казалось, она не замечает ни веселого оживления по поводу бабушки Джимми, ни тяжелых клубов крепкого табачного дыма. Все ее внимание было приковано к молодому человеку с вьющимися волосами и пылким взглядом синих глаз.

Мистер Джеллибенд, хозяин «Отдыха рыбака», «медовый князь», местный туз, стоял, широко расставив ноги, с длинной глиняной трубкой в зубах, лицом к очагу, так же как некогда здесь стояли его отец, его дед, его прадед. Массивная фигура, добродушное лицо, небольшая лысина на макушке — он представлял собой настоящего сельского Джона Булля тех дней, дней наивысшего политического расцвета острова, когда для любого англичанина, будь он лорд или йомен, весь европейский континент был вертепом разврата и Англия оставалась единственным местом, где еще можно было укрыться от каннибалов и дикарей.

Он стоял, гордый собой, твердо опираясь на ноги, с трубкой, как у церковного старосты, презирая все и вся вокруг и не считая нужным заботиться о чем-либо или о ком-либо в доме. На нем был классический алый жилет с блестящими медными пуговицами, штаны из бумажного бархата, серые шерстяные чулки и щегольские туфли с пряжками, весьма характерные для всякого уважающего себя трактирщика в Великобритании тех времен. И хотя на округлые плечи очаровательной, выросшей без матери Салли свалилась работа, которую впору бы делать четверым, он предпочитал обсуждать политические проблемы нации с наиболее привилегированными из своих гостей.

Зал, освещенный двумя начищенными до блеска лампами, свисающими с балок, выглядел приветливо и уютно, особенно в те смутные времена. Сквозь плотные клубы табачного дыма маячили

раскрасневшиеся физиономии завсегдатаев, довольных всем вокруг и самими собой. Салли шутила по поводу того, как мистер Гарри Уэйт прекрасно использовал то короткое время, в которое она была склонна жалеть его. Заведение мистера Джеллибенда предназначалось в основном для рыбацкой братии, для людей, которые, как известно, выпить не дураки, ибо соль, что пропитывает их в море, предъявляет свой счет их глоткам на берегу. На самом же деле «Отдых рыбака» служил местом встреч не только для этого сброда, но и для всех проезжающих через Канал в ту и другую сторону, а поскольку побережья Дувра и Лондона превратились в сплошной постоянный двор, никто не мог миновать мистера Джеллибенда, его французских вин и его прекрасного домашнего эля.

Сентябрь 1792 года близился к концу, и погода, которая на протяжении всего месяца была сухой и теплой, вдруг резко изменилась. Потоки дождя за последние два дня затопили весь юг Англии, грозя уничтожить урожай груш, яблок, поздних слив и других столь любимых англичанами фруктов, которые, падая, бились в окна или попадали в дымоходы, не давая скучать горящему в очагах огню.

— Господи, помилуй! Видели ли вы когда-нибудь такой сухой сентябрь, мистер Джеллибенд? — спросил мистер Хэмпсид.

Он сидел на почетном месте у очага, поскольку был известен как важная и значительная персона не только в «Отдыхе рыбака», где мистер Джеллибенд всегда предоставлял ему особое место как своему постоянному собеседнику, но и по всей округе — своей ученостью, а особенно толкованием Священного Писания, чем внушал не только уважение, но еще и некий благоговейный ужас. В одной руке он держал трубку, другая скрывалась в глубоком кармане рабочих штанов из бумажного бархата, а взгляд был прикован к стекающим по оконным переплетам потокам дождя.

— Нет, — философски ответил ему мистер Джеллибенд, — едва ли припомню подобное, мистер ‘эмпсид. А я уже лет шестьдесят живу в этих краях.

— О, но вряд ли вы помните первые из этих шестидесяти, мистер Джеллибенд, — отпарировал мистер Хэмпсид. — Такая погода была здесь, когда я был маленьким, а я здесь живу уже лет семьдесят пять, пожалуй.

Очевидность этого утверждения показалась мистеру Джеллибенду настолько неоспоримой, что он даже не попытался прибегнуть к каким-нибудь контраргументам.

— Можно подумать, сейчас скорее апрель, чем сентябрь, — продолжал мистер Хэмпсид, следя, как в огонь с шипением падают капли.

— Да, пожалуй. И все-таки, как вы считаете, мистер ‘эмпсид, каким будет наше новое правительство?

Мистер Хэмпсид покачал головой, весьма умудренной глубокими сомнениями относительно британского климата и британского правительства.

— А ничего я не считаю. О таких бедняках, как мы с вами, в Лунноне некому позаботиться, я об этом уже давно знаю и особо по этому поводу не скорблю. Гораздо больше беспокойства мне доставляет то, что в сентябре вдруг наступает настолько сухая погода, что все мои фрукты гниют, буквально сдыхают, как первенец гуптиановой мамы; и ничего не поделаешь, их теперь ничем невозможно спасти. Прости, Господи, всех этих жидов, торговцев и прочий сброд, которые со своими апельсинами и всякой другой привозной богомерзкой дрянью совсем отбивают охоту покупать наши славные английские яблоки и груши. В Священном Писании по этому поводу говорится...

— Совершенно с вами согласен, мистер ‘эмпсид, — произнес Джеллибенд. — И все-таки, как вы считаете, эти французские черти за Каналом уже поубивали своих дворян и короля в придачу, а мистер Питт, и мистер Фокс, и мистер Бурк все никак не могут поладить между собой. «Пусть они убивают друг друга», — говорит мистер Питт. «Остановите их», — говорит мистер Бурк. Но истинный англичанин послал бы их всех катиться своей проклятой дорогой.

— А я считаю, пусть они все убивают друг друга сколько хотят, будь они трижды прокляты! — с пафосом заявил мистер Хэмпсид.

Порой он все-таки соглашался с политическими прозрениями своего друга, хотя и всегда сомневался в их глубине, что неизменно давало ему возможность высказывать все новые и новые перлы, прославившие мистера Хэмпсида на всю округу и приносившие ему немало кружек бесплатного эля в «Отдыхе рыбака».

— Пусть, пусть они убивают друг друга, — повторил он снова, — но такие дожди в сентябре, Господи, помилуй, противны не только закону человеческому, но и Священному Писанию, в котором говорится...

— Ой, господи, мистер ‘арри, уймите свои руки! — Это неожиданное восклицание Салли весьма пагубно отразилось на ее флирте; не дав возможности набравшему полную грудь воздуха мистеру Хэмпсиду блеснуть своим толкованием Священного Писания, она заслужила целый ушат отцовского гнева на свою бедную голову.

— Не время, не время, девочка моя, — пробурчал он, всеми силами пытаясь придать добродушному лицу гневное выражение. — Оставь этого наглого молодца, ступай на кухню и займись делом.

— Но все уже сделано, папа...

Однако мистер Джеллибенд был неумолим. У него имелись свои представления по поводу будущего своей единственной жизнерадостной дочери, которая в скором времени с Божьей помощью должна была стать владелицей «Отдыха рыбака», и ему вовсе не хотелось, чтобы она вышла замуж за кого-нибудь из этих парней, добывающих пропитание сетями.

— Послушай-ка меня, моя девочка, — продолжил он тем спокойным тоном, которого в харчевне никто никогда не смел послушаться, — самое лучшее, что ты сейчас можешь сделать, это приготовить ужин лорду Тони; я думаю, он был бы очень доволен. И хватит об этом.

Салли неохотно повиновалась.

— А что, мистер Джеллибенд, вы ждете сегодня ночью каких-нибудь важных гостей? — спросил Джимми Питкин в надежде отвлечь внимание хозяина от только что происшедшей сцены.

— Да, жду, — ответил Джеллибенд. — Я жду друзей лорда Тони, весьма знатных особ с того берега, которым наш молодой лорд и его друг сэр Эндрью Фоулкс вместе с другими джентльменами помогают спастись от этих чертовых головорезов.

Для убогой домашней философии мистера Хэмпсида это было уже чересчур.

— Боже мой! Зачем они во все это лезут? Я вообще предпочитаю не вмешиваться в чужие дела. Вот и в Священном Писании...

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ